
Печатается по:

Шмелев И. С.

Ш 72 Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Повести и рассказы/Вступ. статья, сост.,
подгот. текста и коммент. О. Михайлова.-- М.: Худож. лит., 1989.- 463 с.

ISBN 5-280-00494-4 (Т. 1)

ISBN 5-280-00493-6

Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии

О.Н.МИХАЙЛОВА

OCR, spellcheck: max@osi.lanet.lv

Дачники с Ляпуновки и окрестностей любят водить гостей "на самую Ляпуновку". Барышни говорят восторженно:

Удивительно романтическое место, все в прошлом! И есть удивительная красавица... одна из Ляпуновых. Целые легенды ходят.

Правда: в Ляпуновке все в прошлом. Гости стоят в грустном очаровании на сыроватых берегах огромного полноводного пруда, отражающего зеркально каменную плотину, столетние липы и тишину; слушают кукушку в глубине парка; вглядываются в зеленые камни пристаньки с затонувшей лодкой, наполненной головастиками, и стараются представить себе, как здесь было. Хорошо бы пробраться на островок, где теперь все в малине, а весной поют соловьи в черемуховой чаще; но мостки на островок рухнули на середке, и прогнили под берестой березовые перильца. Кто-нибудь запоет срывающимся тенорком:

"Невольню к этим грустным бере-га-ам..." -- и его непременно перебьют:

-- Идем, господа, чай пить!

Пьют чай на скотном дворе, в крапиве и лопухах, на выкошенном местечке. Полное запустение -- каменные сараи без крыш, в проломы смотрится бузина.

-- Один бык остался!

Смотрят -- смеются: на одиноком столбу ворот еще торчит побитая бычья голова. Во флигельке, в два окошечка, живет сторож. Он приносит осколок прошлого -- помятый зеленый самовар-вазу и говорит неизменное:

"Сливков нету, хоть и скотный двор". На него смеются: всегда распяской, недоуменный, словно что потерял. И жалованья ему пять месяцев не платят.

-- А господа все судятся?! -- подмигивая, удивляется бывалый дачник.

Двадцать два года все суд идет. Который барин на польке женился... а тут еще вступились... а Катерина Митревна... наплевать мне, говорит. А без ее нельзя.

И опять все смеются, и сараи -- каменным пустым брюхом.

Идут осматривать дом. Он глядит в парк, в широкую аллею, с черной Флорой на пустой клумбе. Он невысокий, длинный, подковой, с плоскими колонками и огромными окнами по фасаду -- напоминает оранжерею. Кто говорит -- ампир, кто -- барокко. Спрашивают сторожа:

-- А может, и рококо?

-- А мне что... Может, и она.

Входят со смехом, идут анфиладой: банкетные, боскетные, /залы,/ гостиные -- в зеленоватом полусвете от парка. Смотрит немо карельская береза, красное дерево; горки, угольные диваны-исполины, гнутые ножки, пузатые комоды, тускнеющая бронза, в пыли уснувшие зеркала, усталые от вековых отражений. Молодежь выписывает по пыли пальцами: Аня, Костя... Оглядывают портреты: тупеи, тугие воротники, глаза навывкат, насандаленные носы, парики -- скука.

-- Вот красавица!

Из-за этого портрета и смотрят дом.

-- Глаза какие!

Портрет в овальной золоченой раме. Очень молодая женщина в черном глухом платье, с чудесными волосами красноватого каштана. На тонком бледном лице большие голубые глаза в радостном блеске: весеннее переливается в них, как новое после грозы небо, -- тихий восторг просыпающейся женщины. И порыв, и наивно-детское, чего не назовешь словом.

-- Радостная королева-девушка! -- скажет кто-нибудь, повторяя слово заезжего поэта.

Стоят подолгу, и наконец все соглашаются, что и в удлинённых глазах, и в уголках наивно полуоткрытых губ -- горечь и затаившееся страдание.

-- Вторая неразгаданная Мона Лиза! -- кто-нибудь скажет непременно.

Мужчины -- в мимолетной грусти несбывшегося счастья; женщины затихают: многим их жизнь на минуту представляется серенькой.